

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ. 2017–2018 уч. г.
ШКОЛЬНЫЙ ЭТАП. 10 КЛАСС

1. [30 баллов] «КОНИ ПРИВЕРЕДЛИВЫЕ»

Прочитайте.

Я как безумный выскочил на крыльцо, прыгнул на своего Черкеса, которого водили по двору, и пустился во весь дух по дороге в Пятигорск. Я беспощадно погонял измученного коня, который, хрипя и весь в пене, мчал меня по каменистой дороге.

Солнце уже спряталось в чёрной туче, отдохавшей на гребне западных гор; в ущелье стало темно и сыро. Подкумок, пробираясь по камням, ревел глухо и однообразно. Я скакал, задыхаясь от нетерпенья. Мысль не застать уже её в Пятигорске молотком ударяла мне в сердце! – одну минуту, ещё одну минуту видеть её, проститься, пожать ей руку... Я молился, проклинал, плакал, смеялся... нет, ничто не выразит моего беспокойства, отчаяния!.. При возможности потерять её навеки [она] стала для меня дороже всего на свете – дороже жизни, чести, счастья! Бог знает, какие странные, какие бешеные замыслы роились в голове моей... И между тем я всё скакал, погоняя беспощадно. И вот я стал замечать, что конь мой тяжёлее дышит; он раза два уж спотыкнулся на ровном месте... Оставалось пять вёрст до Эссентуков – казачьей станицы, где я мог пересесть на другую лошадь.

Всё было бы спасено, если б у моего коня достало сил ещё на десять минут! Но вдруг поднимаясь из небольшого оврага, при выезде из гор, на крутом повороте, он грянулся о землю.

1. [5 баллов] Определите, откуда взят этот отрывок. Напишите имя автора, название произведения и главы, имена главного героя и героини, о которой говорится в отрывке.

2. [25 баллов] Представьте, что конь наделён даром речи. Что он мог бы сказать о своём хозяине? Напишите монолог Черкеса о главном герое произведения, откуда взят отрывок. Объём – около 200 слов.

2. [40 баллов] ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА

Выберите для аналитической работы только один вариант: прозаический или стихотворный текст. Пишите связно, свободно, понятно, доказательно и грамотно. Рекомендуемый объём – 300–400 слов.

Вариант 1

Мариэтта Сергеевна Шагинян (1888–1982)

ПРЫЖОК

I

Известно, что злоязычие – самая заразительная болезнь.

В одной дачной местности под Москвой она была распространена настолько, насколько ей способствовали местные условия: наличие восьми жён нэпманов, супруги спеца, десятка служащих Наркомпроса и возмутительной близости крупного партийца, из тех, что подходят под категорию «вождей». Он поселился в этом тараканьем гнезде так же неосмотрительно, как иной раз голенькие дети садятся на муравьиную кучу.

Партиец был вдов и имел сына. Нэпманшам в глубине души было очень лестно, что их дети играют с сыном «вождя». Они зазывали его к себе, расспрашивали о кремлевских обитателях, приглашали из города добрых знакомых и в разговоре небрежным тоном осведомлялись у Вити:

– Не знаешь ли ты, когда твоему папе звонили сегодня из Кремля?

Когда мальчики убежали, нэпманша пожимала плечами и картавила гостю, зеленеющей от зависти, что «этот несчастный ребёнок» положительно не может жить без её Грегуара и что в городе, должно быть, придётся продолжать такое непредвиденное знакомство. Гостю, возвращаясь в Москву, не упускала случая поговорить о семейных обстоятельствах «вождя» с видом человека, знающего всё это как свои пять пальцев. Так начала плестись вокруг партийца тоненькая-претоненькая паучья паутиночка. Сам «вождь» не замечал её даже в свои круглые заграничные очки. Он был занят с утра до ночи. Но Витенька, сын «вождя», мало-помалу ощутил на себе её действие.

II

Витя был подросток с ломающимся голосом, вспыхивающими ушами и длинными ногами. Товарищи приучили его к особому обращению: они говорили ему грубости, выказывали пренебрежение, заставляли исполнять просьбы, бегать на побегушках, но в то же время оглядывались по сторонам, есть ли кто-нибудь, чтобы это не пропало даром, а было увидено и поставлено им в особую честь. Витя уже заметил, что с ним никто не поступает просто. Если что-нибудь говорится, то с задней мыслью, если ходят в обнимку, так непременно с особенными лицами и ломаньями, какие люди выкручивают перед фотографическим аппаратом. Сперва это мучило мальчика. Он считал себя некрасивым, неинтересным, ненужным. Потом истина осенила его: он вдруг сообразил, что это он, Витя, центр вселенной и что все выкрутасы и хитрости его товарищей сводятся к одному – завоевать его, Витино, пристрастие, вторгнуться в его, Витину, сферу, стать ему, Вите, своим братом. Тогда мальчику стало приятно посещать дачниц и отвечать на их вопросы о Кремле.

В награду он начал требовать удовольствия и для себя: сперва это выражалось в невинном поглощении мороженого, оплачиваемого дачницами,

потом в преимущественном пользовании чужими качелями, гамаком, лодкой, крокетом. И, наконец, в частом повторении фразы: «Это мне нравится», – влекшей за собой переход в его собственность ружья Грегуара, открыток Ниночки, альбома Дусика, удочки Лёлика, и т. д. до бесконечности.

III

Чем больше портился Витя, тем ехиднее становились дачницы. По утрам, когда советские служащие уезжали в город, на балконе у спецдамы благоухал кофейник с мокко и слезился кусочек льда на янтарном деревенском масле. Сюда собирались нэпманши, и даже служащая Наркомпроса в отпуску, большая, гладкая, выстриженная, со слюнявыми губами, похожая на английского дога, шумно поднималась по ступеням, двигала стульями, садилась, простирала руки к салфеточкам с бахромой, блюдечкам, сахарнице, молочнику, и всё это делала так, будто за ней была погоня на автомобилях. Спецдама перетирали мытые чашки, щипчиками накладывала в них сахар, и когда из кофейника лилась душистая струйка, от сахара кверху ползли тончайшие вьющиеся дорожки и расходились наверху сладкими веерами. Найдите-ка теперь дома, где всё это случается, где сахар пахнет в саксонской чашке, где бахрома у салфеточек выглажена и отливает синевой.

– Да, знаете ли, такого кофе, как у вас... – неизменно начинала служащая, разрезая пополам поджаристый калач и густо намазывая его маслом. – Нужна культура, чтоб подать такой кофе.

Вслед за маслом на калач посыпалась соль, потом обе стороны складывались вместе и подносились ко рту, в то время как перед гостьей ставилась чашка с густыми сливками на коричневом фоне мокко.

Нэпманши косились на спецдаму завистливо. Тайна этой кофейной культуры щемила их самолюбие. Они уставляли по утрам стол икрой, ветчиной, редиской, паштетом, пирожками, маслинами, всяким сдобным печеньем. Но всё это меркло, не возбуждало аппетита, казалось мещанским перед белоснежной сервировкой спецдамы и перед её кофе, к которому подавалось одно только масло, калачи и соль.

– Не думайте, что наша власть этого не понимает, – улыбнулась хозяйка, – что бы там ни говорили, а хорошее всем нравится. Возьмите воспитание детей. Они могут сколько угодно ругать Европу, но, как только доходит до дела, Европа у них на первом месте. Как бы назвали нас, грешных, если бы мы осмелились послать своих детей учиться за границу? А знаете ли, душечка, что такой-то (взгляд по сторонам, понижение голоса, губы складываются сердечком и приближаются к уху соседки)... воспитывает своего сына в колледже?

– Да что вы! Какой позор! – служащая Наркомпроса всплещивает руками.

– Ничего не позор, а наоборот, очень умно. А такой-то (новый шёпот) обоих детей держит в Германии, а такой-то – в Швейцарии, а такой-то... Ну, право же, это лучше, чем растить подобное ужасное, ужасное чудовище,

лишённое малейшего воспитания. Посмотрите, как он отвратителен. Витенька, Витенька, иди сюда, голубчик, мы по тебе соскучились!

IV

Мальчик с вымазанными в глине коленями, растрёпанный, гогоча беспричинно, медленно подошёл к балкону. За ним прибежали щеголеватые, модно одетые, чистенькие дети нэпманш и хозяйки: девочки в узких вязаных платицах, с вышитыми кармашками – подарок *belle soeur* из Парижа, мальчики в белых полотняных костюмах из частного магазина на Петровке.

– Мама, Витя говорит, что умеет делать шахты, и у него есть динамит!

– Нет, Витенька, нет! – в испуге вскрикнула спецдама. – Мы знаем, что ты умеешь. Но этого ни в каком случае нельзя. Покажи нам что-нибудь другое! Знаете, милая (она многозначительно повернулась к служащей Наркомпроса), Витя – замечательный мальчик. Он умеет стрелять, плавать, усмирять быков. Конечно, мы не позволяем ему подвергаться опасности, а то бы он показал вам такие чудеса...

– Я умею прыгать с третьего этажа! – хрипло произнёс Витенька, ни на кого не глядя. Он знал, что от него ждут этих слов. Он перехвастался уже всеми подвигами, какие вычитал из своей детской библиотечки. Хвастаться можно было безнаказанно: все боятся его папы и ни за что не дадут ему сделать себе хотя бы царапину. Он поднял голову, посмотрел на крышу дачи, – как раз три этажа, выход из чердачного окна, плоский карниз, на котором можно геройски вытянуться, задрать обе руки кверху, ухнуть.

– Я прыгну с крыши! – воинственно крикнул Витя, повернулся и побежал к кухне, откуда можно было пробраться на чердак.

– Проследите, милая, за его манерами, – не громко, но брезгливо и ясно проговорила спецдама, – это какой-то ярмарочный шут: ни самолюбия, ни правдивости, ни достоинства. Я прямо иной раз со смеху надрываюсь.

Она поглядела наверх и сделала самое серьёзное лицо:

– Витенька, ах, какой мальчик! Ты опять! Ну, верим, верим, сейчас же уходи с крыши!

Но, прежде чем она кончила фразу, прежде чем Витенька проделал свой геройский взмах и ушёл с крыши, прежде чем служащая Наркомпроса успела создать подходящее выражение лица, перед балконом появился небольшой человек с круглым ясным лбом, с курчавыми волосами и в заграничных очках – отец Вити, человек из Кремля.

V

Он вернулся на дачу в автомобиле, поискал мальчика, не нашёл, через боковую калитку, мимо огородов спустился к соседям и хотел кликнуть сына, как невольно остановился. Он стал нечаянным свидетелем разыгравшейся сцены и выслушал весь разговор за кофе от первого до последнего слова. Подняв голову, он посмотрел на сына и увидел его лицо. Витя стоял на крыше ни жив ни мёртв. Коленки его тряслись. Скуластое детское лицо с узкими глазами хранило снаружи все усвоенные пороки, как держат на тарелке орехи, –

бесхитростно и с полным неумением попрыгать их: тут были тщеславие, трусость, наивность, хвастливость, растерянность, готовность сделать, как требуют, простоватость сбитого с толку существа.

– Ну, – выразительно произнёс отец, не спуская глаз с сына, – *прыгай!*

– Витенька, папа шутит! – обворожительно крикнула спецдама. – Беги скорей, беги с крыши!

Человек из Кремля не повёл и бровью. Витя на крыше не шевельнулся. Оба – отец и сын – неотступно глядели друг на друга.

– Ну, – медленно повторил отец, – прыгай! Раз, два, тр...

Мальчик взмахнул руками и отчаянно прыгнул с крыши. Он упал на круглый газон. Визжащие дамы столпились вокруг него.

На серой, пыльной траве лежала круглая голова с лицом, повернутым кверху, – лицом, похожим на тарелку, с которой одним взмахом смахнули, как орехи сбросили, все его детские пороки, и вместо тщеславия, хвастовства, трусости, тупости на скуластой мордочке расцвели два глаза, виновато, но с хитринкой удовольствия скользнувшие в отцовские глаза. Но губы Витины были бледны и плачущи. У Вити была вывихнута нога.

Человек в очках нагнулся над своим мальчиком и положил ему руку на лоб. Потом поднял его нескладное тело, прижал к себе и унёс.

(1926)

Вариант 2

Мирра Лохвицкая (Мария Александровна Лохвицкая) (1869–1905)

* * *

Если б счастье моё было вольным орлом,
Если б гордо он в небе парил голубом, –
Натянула б я лук свой певучей стрелой,
И живой или мёртвый, а был бы он мой!

Если б счастье моё было чудным цветком,
Если б рос тот цветок на утёсе крутом, –
Я достала б его, не боясь ничего,
Сорвала б и упилась дыханьем его!

Если б счастье моё было редким кольцом
И зарыто в реке под сыпучим песком, –
Я б русалкой за ним опустила на дно,
На руке у меня заблестало б оно!

Если б счастье моё было в сердце твоём, –
День и ночь я бы жгла его тайным огнём,
Чтобы, мне без раздела навек отдано,
Только мной трепетало и билось оно!

(1891)

Максимальный балл за все выполненные задания – 70.